

Он отказался от своей гордости, отказался от стойкости. Теперь в нём не осталось абсолютно ничего, кроме единственного ничтожного, молящего желания. Как мог он снова стать тем уверенным в себе молодым господином из клана Гу, в чьей душе когда-то пылала жизнь?

Он и впрямь вознамерился терзать его дальше: собственноручно разбил вдребезги, а теперь приказывает вернуть всё как было.

Но разве у него есть право отказаться?

Гу Цзюэ кивнул:

— Слуга всё понял.

Сяо Юй внезапно оборвал его:

— Я сказал: «как прежде»!

Гу Цзюэ мгновенно понял свою ошибку. Прежде он, разумеется, никогда не называл себя слугой. Но разве не сам император заставил его пользоваться этим унижительным обращением?

Гу Цзюэ повторил:

— Я понял.

Выговорив эти слова, он сам не понял, что почувствовал — лишь ощутил, как грудь затапливает ещё бóльшая пустота. Он ведь произнёс «я», но для него это ничем не отличалось от прежнего «слуга».

Сяо Юй с самого начала пристально следил за лицом Гу Цзюэ. Тот назвал себя «я», но на его лице не дрогнул ни один мускул. Он стоял, но ничем не отличался от себя же, стоит только вспомнить, как он секунду назад стоял на коленях.

Сяо Юй уже давно не разглядывал лицо Гу Цзюэ, но теперь, когда тот поднялся, император мог видеть и его мимику, и его глаза.

Глаза у Гу Цзюэ всегда были невероятно красивы. Раньше сквозь них просвечивал его пылкий, своенравный нрав, а во взгляде сияли россыпи звёзд. Когда он смотрел на Сяо Юя, в его чистых зрачках всегда отражался лик императора.

Теперь же эти глаза погасли. В них не осталось ни искорки света, они казались застывшими и

равнодушными. Даже глядя на императора, Гу Цзюэ сохранял этот тяжёлый, непроницаемый взгляд, не выражавший абсолютно никаких чувств.

Пред прахом того жалкого слуги он трепетал, его глаза наполнялись живыми чувствами — пусть то и была ничтожная мольба. Но почему же, глядя на своего государя, он смеет демонстрировать такое полное безразличие?

Студёный холод в глазах Сяо Юя едва удавалось сдерживать. Он уже собирался заговорить снова, как вдруг Гу Цзюэ схватился за грудь и тихо кашлянул.

Гу Цзюэ только-только очнулся и, захлёстнутый переживаниями, не успел даже выпить воды. Почувствовав сухость в горле, он не сдержал кашля.

Этот тихий звук странным образом сбил пламя гнева, бушевавшее в груди Сяо Юя. Он лишь прищурился и холодно хмыкнул.

Гу Цзюэ было не о чем вести с ним праздные разговоры, да и их положение к этому совсем не располагало. В комнате воцарилась тишина.

Сяо Юй насупился. Намеренно храня молчание, он ждал, но Гу Цзюэ тоже не издавал ни звука, отчего обстановка стала совсем неловкой.

Как раз в этот момент вернулся маленький евнух. Увидев Сяо Юя, он тут же пал на колени с приветствием и, не смея дольше мешать, поставил принесённую кашу и поспешно удалился.

Каша исходила паром. Гу Цзюэ почуял аппетитный аромат — не зная, из чего её сварили, но за время долгого беспамятства его голод успел утихнуть, а теперь от одного этого запаха в животе громко заурчало.

Этот неловкий звук прозвучал совершенно неожиданно, и Гу Цзюэ подсознательно бросил взгляд на Сяо Юя.

Сяо Юй, разумеется, всё слышал. Посмотрев на его живот, он буркнул:

— Чего застыл? Переживаешь, что Я не стану кормить тебя с ложки?

Гу Цзюэ на подобное не рассчитывал, но было очевидно, что Сяо Юй действительно больше не собирается обращаться с ним как со слугой. Сжав губы, Гу Цзюэ сел прямо перед государем и поднёс пиалу к губам. Горячая каша обжгла горло приятным теплом, и натянутые хмурые бровки невольно разгладились.

Пока он ел, Сяо Юй присел рядом. Наблюдая, с каким удовольствием тот поглощает еду,

император внезапно спросил:

— Хочешь увидеть Гу Мина?

Раздался звонкий стук: ложка в руке Гу Цзюэ выпала и шлёпнулась на дно пиалы.

Раньше император лишь испытывал его и пришёл в неопишемую ярость, узнав, что он тайком сбегал. Зачем же он спрашивает об этом снова?

— Не хочу. Я не стану с ним встречаться, — поспешно отрезал Гу Цзюэ.

Видя, с какой поспешностью тот отказался, Сяо Юй потемнел в лице. Он взглянул на заброшенную кашу и на сжатые челюсти Гу Цзюэ, после чего неторопливо проговорил:

— Известно ли тебе, как карается обман государя?

Дыхание Гу Цзюэ сбилось. Испугавшись, что снова зайдётся кашлем, он резко отставил пиалу и прикрыл рот рукой. Выждав немного и убедившись, что приступ отступил, он произнёс:

— Я правда не хочу с ним видаться.

Сяо Юй прищурился:

— Ты даже тайком бежал из Зала Цяньюань, а теперь заявляешь, что не желаешь с ним встречаться?

Опасаясь, что император снова обвинит его во лжи, Гу Цзюэ искренне пояснил:

— Раньше я боялся, что Ваше Величество причинит вред моему старшему брату. Но я ошибался. Синин и Тяньци состоят в добрых отношениях, а брат — посол Синина. Ваше Величество, разумеется, ничего ему не сделает.

Выслушав эти прозрачные намёки, Сяо Юй холодным тоном сказал:

— Тебе следовало бы знать, что со Мной подобные речи не сработают.

Он специально упомянул дружбу между государствами Синин и Тяньци и заговорил о статусе посла, тем самым прозрачно ссылаясь на древнее правило «послов не казнят». Вот только...

— Неужели ты думаешь, будто Меня остановит подобная глупость, если Я захочу расправиться

с ним?

Сердце Гу Цзюэ сжалось. Верно, с чего бы Сяо Юю считаться с такими мелочами? Он отродясь ни с кем и ни с чем не считался.

Заметив, как побледнел Гу Цзюэ, Сяо Юй мрачно произнёс:

— Гу Цзюэ, жить тебе осталось недолго, так что забавляться с тобой стало совсем скучно. Сегодня Я окажу тебе милость: если сможешь порадовать Меня за весь сегодняшний день, завтра Я позволю тебе встретиться с твоим братом.

Гу Цзюэ в потрясении воззрился на Сяо Юя:

— Что ты сказал?..

Голос Сяо Юя звучал сухо и резко:

— Повторять дважды Я не намерен!

Бросив эти слова, он поднялся и вышел прочь.

Гу Цзюэ ещё долго ошеломлённо смотрел ему вслед. Дело было не в том, что он не расслышал — он просто не мог поверить своим ушам.

Неужели император действительно позволил ему увидеться с Гу Мином?

Но ведь совсем недавно тот лишь устроил ему проверку. Не окажется ли и это предложение очередной ловушкой?

И всё же... Встретиться с Гу Мином? Увидеть родного брата, с которым они разлучились на столь долгий срок, поговорить с ним — об этом Гу Цзюэ не смел и мечтать. От одной этой мысли его мёртвое, остывшее сердце затрепетало.

Гу Цзюэ горько ухмыльнулся, вынужденный признать: Сяо Юй всегда с лёгкостью манипулировал им с помощью пары сказанных фраз. Государево сердце было глухо к любви, но он безошибочно нащупывал уязвимые места и точно знал, чем больнее всего пригрозить.

Он тяжело вздохнул. Порадовать государя? Насколько же это невыполнимая задача... Пусть Сяо Юй сам поставил это условие, для Гу Цзюэ оно казалось недостижимым.

Наконец маленький евнух вернулся в покои после ухода императора. Заметив, как Гу Цзюэ с

опущенным взором гипнотизирует остывающую пиалу, он спросил:

— Господин, почему вы не едите?

Под пристальным взглядом сияющих глаз евнуха, готового, казалось, выжидающе стоять над ним целую вечность, Гу Цзюэ вновь взялся за пиалу.

Увидев, что тот принялся за еду, юноша тепло улыбнулся.

Гу Цзюэ давно ни с кем нормально не общался. Этот юный слуга чем-то напоминал ему Хуашэна своей открытой и приятной натурой. Гу Цзюэ не удержался и спросил:

— Как тебя зовут?

— Раньше слугу звали Гоу Шэн.

— ... — Гу Цзюэ посмотрел на Гоу Шэна. — Твое имя... это то, что дали тебе при рождении?

Слуга смущённо почесал затылок:

— Слуга родом из бедной семьи, у нас деревенских у многих подобные невзрачные имена. Куда уж нам равняться с такими благородными господами, как вы. Семья нищенствовала, а младших братьев и сестёр надо было кормить, вот меня и отправили во дворец. Все говорят, что в дворцовых стенах можно выбиться в люди: если хорошо угождать господам, наградное серебро потечёт рекой.

Глядя на то, какой этот мальчик ещё юный, а уже стал евнухом и при этом сохранил наивные суждения, Гу Цзюэ невольно вспомнил себя, едва переступившего порог дворца. В отличие от Гоу Шэна, он не искал богатства или высокого положения, но стремился к тому, что получить было куда невозможнее. Искренность правителя — самая непредсказуемая и глубокая вещь под небом.

— К сожалению, дворец — вовсе не доброе место, — тихо и печально произнёс Гу Цзюэ.

— Что вы сказали? — не расслышал Гоу Шэн.

Посмотрев на него, Гу Цзюэ с виноватой улыбкой сменил тему:

— К сожалению, я не тот господин, у которого водятся деньги. Ты пришёл прислуживать мне, но мне совершенно нечем тебя наградить.

Гоу Шэн опять почесал затылок:

— В народе говорят, что тех, кого любит государь, щедро осыпают подарками. Слуга видит, как Ваше Величество относится к господину — он ведь так добр к вам! К тому же сегодня день рождения Его Величества. Вы только очнулись, но если приготовите для государя хотя бы скромный подарок, Его Величество обязательно обрадуется. А уж если обрадуется, то сразу щедро наградит! Вот тогда у господина и появятся деньги.

Гу Цзюэ замер:

— Сегодня... день его рождения?

Едва этот вопрос слетел с его губ, как в душе уже всплыл ответ. Разве мог он забыть день рождения Сяо Юя? Ещё до того, как потерять сознание, он помнил о приближающейся дате. Прележав без чувств два дня, он очнулся ровно в этот день. Не потому ли Сяо Юй потребовал порадовать его, что сегодня был день его рождения?

Прежде Гу Цзюэ даже не имел права праздновать день рождения Сяо Юя. Но слова, произнесённые государем, заставили его сердце трепетать. В обычные дни он понятия не имел, как угодить Сяо Юю, но сегодня особый день. Гу Цзюэ уже однажды справлял день рождения императора — в его памяти тот праздник остался единственным случаем, когда Сяо Юй относился к нему с невероятной нежностью.

Гу Цзюэ обратился к Гоу Шэну:

— Я могу выйти?

Маленький евнух смущённо замешкался:

— Согласно повелению Его Величества, господину следует отдыхать здесь. Вы ведь едва оправились от тяжёлого недуга, выходить на холодный ветер вам никак нельзя.

Услышав это, Гу Цзюэ невольно усмехнулся с горькой иронией. Император на словах требовал от него быть «как прежде», но не давал ему ни капли свободы. Не говоря уже о том, через какие муки Гу Цзюэ пришлось пройти, Сяо Юй даже не вернул ему былую свободу — так как же он мог требовать прежнего поведения?

Тяжело вздохнув, он произнёс:

— Раз так, выходить незачем. Принеси сюда маленькую жаровню — я сварю всё прямо здесь. Заодно принеси всё необходимое для приготовления лапши.

Гоу Шэн оказался сообразительным малым:

— Господин хочет приготовить для Его Величества лапшу долголетия?

Вспомнив ту давнюю пиалу лапши долголетия, Гу Цзюэ глубоко задумался и кивнул Гоу Шэну. Гоу Шэн отправился за вещами, а Гу Цзюэ остался сидеть в комнате. Его взгляд упал на лежащую неподалеку золотую маску. В конце концов он взял её и надел. Взглянув в зеркало, отражавшее его нынешний облик, он понял: о сходстве с прежним Гу Цзюэ не могло быть и речи. На первый взгляд перед зеркалом стоял совершенно чужой человек.

Он опустил глаза на свои руки и задался вопросом: сможет ли он теперь приготовить такую же лапшу долголетия, как когда-то?

Происхождение Сяо Юя было окутано тайнами, впрочем, как и истории появления на свет многих других принцев во дворце. На самом деле, правда о рождении Сяо Юя не была секретом — практически все во дворце знали, что вдовствующая императрица никогда не была императрицей при покойном правителе. Она была лишь наложницей низкого ранга, а по правилам Тяньци того времени женщина её положения не имела даже права самостоятельно воспитывать собственных детей. По этой причине Сяо Юя в свое время отправили на воспитание к императрице покойного императора. До семи лет он рос подле нее, но когда мальчику исполнилось семь, императрица тяжело заболела. Управление делами гарема перешло к благородной супруге Гуйфэй, которая к тому времени уже получила этот титул, и Сяо Юй вернулся к родной матери. В нынешние времена обитательницы гарема почитают вдовствующую императрицу как прародительницу, поэтому никто, разумеется, не смел заводить при ней разговоров о прошлом. Однако Гу Цзюэ, попав во дворец, на второй год службы случайно узнал об этом. Видя, как безрадостно и буднично Сяо Юй проводит день своего рождения, он призадумался.

В тот день он приготовил для Сяо Юя миску лапши долголетия.

Когда Гу Цзюэ готовил, он не знал, придется ли это по вкусу Сяо Юю — им двигало лишь искреннее желание порадовать государя. Он понимал, что императору не нужны богатства, и лишь собственноручно приготовленная лапша могла стать выражением его чувств. Кто бы мог подумать, что из-за этой миски Сяо Юй в тот же день заговорит с ним о годах, проведенных с покойной императрицей.

Хотя покойная императрица не была родной матерью Сяо Юя, он воспитывался при ней с самого рождения. Императрица была болезненной и не имела своих детей, поэтому, хоть Сяо Юй и не был её плотью и кровью, она всем сердцем любила его как родного сына и даже сама порой готовилась для него лапшу долголетия. Миска Гу Цзюэ невольно заставила повзрослевшего Сяо Юя вспомнить тот горячий суп с лапшой, который когда-то готовила для него покойная императрица.

Гу Цзюэ помнил лишь, что в тот день Сяо Юй был с ним необычайно мягок, что даже породило в нем иллюзию, будто их сердца бьются в унисон и они понимают друг друга без слов.

Но теперь, оглядываясь назад, он понимал: Сяо Юй всего лишь предавался воспоминаниям о покойной императрице. Это была лишь случайность, что в такой особый день он затронул в душе Сяо Юя ту редкую струну нежности. Гоу Шэн действовал быстро: он принес всё необходимое для приготовления лапши. В свое время Гу Цзюэ потратил немало сил, чтобы научиться этому искусству, и хотя поначалу движения его были несколько скованными, вскоре он освоился. Ему было гораздо проще сосредоточиться на том, чтобы приготовить вкусное блюдо, чем думать о том, что оно предназначено для Сяо Юя. Замес теста, расстойка, раскатка, нарезка — всё шло на удивление гладко. Когда лапша была готова, оставалось лишь добавить бульон и гарнир. Приготовив первую порцию и увидев, как у Гоу Шэна разбегаются глаза, Гу Цзюэ отдал её ему.

Гоу Шэн, однако, испугался: Это же для Вашего Величества! Как я, ничтожный слуга, могу это есть? Раз уж господин закончил, я сам отнесу порцию императору.

Гу Цзюэ лишь едва заметно улыбнулся, не стал настаивать и проводил взглядом Гоу Шэна, уносившего лапшу.

Он не знал, тронет ли эта чаша Сяо Юя. В конце концов, только самому Сяо Юю решать, будет он доволен или нет. Гу Цзюэ велел себе не питать лишних надежд, чтобы потом не было так больно разочаровываться.

Сам он тоже съел немного лапши. Желудок долго оставался пустым, и хотя раньше ему хватило пары кусочков, чтобы потерять аппетит, сейчас он смог съесть чуть больше, лишь бы унять голод.

Отставив чашу, он выдохнул, и в этот самый момент внезапно услышал знакомый голос: Янь Хуа.

Гу Цзюэ застыл на месте. В этот миг ему показалось, что само время остановилось. Он не успел осознать, почему Гу Мин здесь — позволил ли ему прийти Сяо Юй или здесь кроется что-то другое.

Он не знал, сколько времени прошло, прежде чем он медленно обернулся. В голове царил такая путаница чувств, что глаза мгновенно покраснели. Увидев перед собой расплывчатый силуэт, он не сразу разобрал черты лица человека и с легким сомнением спросил: Брат?

Гу Мин смотрел на родного брата, которого не видел более трех лет. Видя, как тот склонил голову, словно не веря в происходящее наяву, он почувствовал, как сердце сжалось от боли. Тело отреагировало быстрее разума: он в два счета пересек комнату и заключил Гу Цзюэ в объятия.

Гу Цзюэ уткнулся брату в грудь. Объятия старшего брата всегда были такими надежными. Прошло три года, он должен был подрасти и уже не казаться таким маленьким, но в руках Гу Мина он чувствовал себя точно так же, как в прежние времена.

Однако в следующую секунду Гу Цзюэ поспешно смахнул слезы, отстранился и отступил на несколько шагов, увеличивая дистанцию.

Гу Мин замер в недоумении: Что случилось? Гу Цзюэ улыбнулся сквозь слёзы, с усилием подавляя боль в груди. Глядя на старшего брата, он понял, что тот ничего не знает о его чахотке. Он сначала подумал, что брат уже в курсе, но, пожалуй, к лучшему, что нет. Как можно было позволить брату узнать, что он болен чахоткой?

Поэтому Гу Цзюэ напустил на себя беззаботный вид и произнес:

— Братец еще спрашивает, что со мной. Я ведь уже взрослый, а не тот маленький мальчик, что был в прошлые годы. Почему это ты, едва придя, сразу бросаешься обниматься?

Сердце Гу Мина сжалось от боли. Если бы он не знал, через что Гу Цзюэ пришлось пройти за эти три года, он бы решил, что Гу Цзюэ сейчас точно такой же, как тогда. Но ведь он прибыл в Тяньци заранее именно для того, чтобы выяснить, каково же истинное положение дел у Гу Цзюэ в столице.

Болезнь Гу Цзюэ из-за Сяо Юя держали в тайне. По заведенным правилам, больной человек, разумеется, не мог прислуживать императору, поэтому Гу Мин ничего об этом не ведал. И хотя о недуге он не знал, другие вести доходили до его слуха, разрывая сердце.

Этот его младший брат, которого вся семья с малых лет холила и лелеяла на ладонях, попав в этот императорский дворец Тяньци, мало того что забыл о собственном достоинстве, пытаясь угодить Сяо Юю, так еще и был выброшен им за ненадобностью, словно стоптанная обувь. И уж тем более — он соперничал за мужчину с женщинами из заднего палаццо, да к тому же среди всех этих унижений потерял Хуашэн. Гу Мин знал, как дороги были друг другу Гу Цзюэ и Хуашэн, и представить страшно, как сильно горевал Гу Цзюэ после утраты!

Как же должен был жить здесь, в чужом гареме, такой верный и преданный чувствам человек?

Чем сильнее болело сердце Гу Мина, тем острее было его жалость к Гу Цзюэ, но прежде чем он успел заговорить, Гу Цзюэ заговорил первым. Он говорил очень быстро, голос его звучал приглушенно — опасаясь, как бы у стен не оказалось ушей.

— Брат, этому Сяо Чуню нельзя доверять, — выдохнул он.

Гу Цзюэ не знал, каким образом Гу Мину позволили сюда войти, возможно, тусклая миска лапши действительно сыграла свою роль, но раз уж они встретились, терять время было нельзя. У него накопилось слишком много вопросов и еще больше слов, которые нужно было сказать, было некогда вести неспешные беседы о прошлом.

— Ранее брат передал через Сяо Чуня нефритовый паэцзы в качестве верительной грамоты, чтобы он передал мне весточку — я ее получил. Я также поручил ему передать брату слова, слышал ли ты их? Позиция этого человека изначально неясна, брату не следует сговариваться

с тигром в надежде на выгоду, и его речам верить нельзя, — Гу Цзюэ выложил все заготовленные слова разом. — Пусть Сяо Юй и не хранит верность мне одному, но на самом деле я живу вполне неплохо, брату не о чем обо мне тревожиться. Все это — мой собственный выбор, я хочу оставаться рядом с любимым человеком и ничуть не жалею об этом, так что брату не нужно ломать голову над тем, как вывезти меня из дворца.

Если бы он не знал, ради чего Сяо Юй во что бы то ни стало решил оставить его во дворец, у Гу Цзюэ, возможно, и теплилось бы желание сбежать. Но с тех пор как он узнал, что Сяо Юй привел его сюда лишь ради мести за Гу Ляньюэ, он оставил всякие мысли о побеге. Он понимал: судя по чувствам Сяо Юя к Гу Ляньюэ, тот вряд ли успокоится, пока не замучает его до смерти.

Судя по нынешнему поведению императора, это было очевидно. Если бы Гу Мин попытался прямо сейчас увезти его из дворца, он бы, пожалуй, и впрямь накликал беду на самого Гу Мина — Сяо Юй не был из тех, кто стал бы сдерживать жажду убийства лишь потому, что перед ним посланник Синина.

Гу Мин же отказывался в это верить. Разве с характером Гу Цзюэ можно было стерпеть других женщин в его гареме? Разве мог он проглотить убийство Хуашэн? Если бы не безвыходное положение, он бы ни за что не допустил гибели Хуашэн!

— Янь Хуа, ты не тот человек, который станет терпеть и сглатывать обиды. Если ты боишься, что брат из-за этого пострадает, можешь вовсе не переживать: ты знаешь, какое положение занимает клан Гу в Синине. Вытащить тебя из дворца в Тяньци — на это у брата хватит уверенности. Что же до этого Сяо Чуня, я, конечно, знаю, что он за человек, и мы просто используем друг друга, о доверии тут речи нет. Можешь быть спокоен, твой брат не настолько глуп.

Гу Мин посмотрел на Гу Цзюэ:

— Я просто волновался за тебя, опасаясь, что не смогу попасть во дворец и повидаться с тобой, поэтому и пошел на эту крайнюю меру, велел ему передать тебе весточку. Я боялся, что ты вспыльчив, наломаешь дров во дворец и навлечешь на себя наказание, а потому велел вести себя тише воды, ниже травы. Больше ничего лишнего я ему не говорил.

Хотя в мыслях Гу Цзюэ крутился лишь один вопрос: как заставить Гу Мина оставить эту опасную затею и не пытаться увезти его из дворца, от услышанного у него в груди все защемило и заполнилось до краев. Такое горькое чувство обиды способно подняться со дна души лишь тогда, когда находишься перед тем, кто о тебе искренне заботится. Только перед лицом любящего человека хочется проявить слабость и опереться на него, но он не мог полагаться на Гу Мина.

Ему самому оставалось жить совсем недолго, а у Гу Мина впереди была прекрасная жизнь!

— Брат, пусть во дворец мне приходится несладко, но возможность находиться рядом с Сяо Юем приносит мне величайшую радость, — Гу Цзюэ нарочито изобразил на лице легкую

улыбку и раскинул руки, демонстрируя брату свои одежды. — Погляди, брат: пусть он и не верен мне одному, но я — мужчина, и по природе своей неспособен рожать детей. Он и так выказывает мне огромную милость, я не смею желать большего. Не заставляй меня уходить от него, в этой жизни я уже не смогу с ним расстаться. Брат, просто считай меня выданной замуж дочерью.

<http://bllate.org/book/21167/2144653>